

Дискурсивное господство

О том, как врезаются в мозги традиции, нормы и истины

Йорг Бергштедт

2012

Оглавление

Дискурсы, категории, стандарты: Господство в голове	3
Управление через дискурс	5
Дискурсы как легитимация господства	6
Примеры регулирования через дискурс	7
Расы и расизм	7
Пол	8
Преступность и наказание	8
Устойчивое развитие	9
Демографический взрыв	10
Наука и объективность	11
Социальный расизм от "Хартц IV" до Саррацина	12
Справедливость	13
Конструирование коллективных идентичностей и интеграция индивидов	14
Роли и ориентиры	17
Конструирование Среднего	19
Просвещение: Демаскировка как цель	20

Дискурсы, категории, стандарты: Господство в голове

Всемогущий рынок и институционализированное господство (прежде всего, государство и легитимированные им институты) непосредственно видимы и ощутимы. Но это еще далеко не все виды господства, которым подвергаются люди. Однако другие формы господства труднее распознаваемы, поскольку они носят более скрытый характер. Они рядятся в одежды собственного мнения или вовсе неощутимы. Одним из таких замаскированных видов господства является управление мышлением, оценками и собственной идентичностью с помощью дискурсов, истолкований и ожиданий.

Путем социальной настройки (воспитания, ожидаемого отношения, восприятие той или иной общественной практики в качестве "нормальной"), языка, направленной коммуникации, пропаганды и утверждения стандартов (технических норм, принципа "так все делают" или "так принято", кодекса поведения и т.д.) вместо их добровольного согласования возникает манипулирование извне и различная иерархия ценности в глазах людей. Все люди на протяжении жизни оказываются под влиянием с ориентацией на вполне определенную социальную "роль", то есть, "конструируются": женщины в противоположность мужчинам, молодежь в противоположность взрослым, люди без образования в противоположность образованным, бедняки в противоположность богатым, работники в противоположность работодателям или "самостоятельным", т.н. "инвалиды" в противовес "здоровым", не-немцы в противовес немцам, и т.д. (и, соответственно, наоборот). Эти и многие другие различия сохранились бы и в том случае, если бы человек оказался свободен от всех других отношений господства. Это не вина людей и их сообществ, но это так. И это явление не однородно, поскольку вышеназванные группы людей сами не однородны – но в тенденции они именно социально "конструируются", то есть, им на протяжении многих лет или десятилетий придаются общественная роль, ожидаемое отношение или действие и ощущение самооценности. В этих рамках они "функционально" живут в реальных общественных отношениях, то есть люди воспринимают свою позицию как правильную для себя, не считают ее в действительности сконструированной и не сопротивляются ей. Конструкт становится "матрицей" их жизни, хотя они этого не сознают или даже сознательно выбирают свою роль.

"Дискурс – а этому не перестает учить нас история – это не просто то, через что являют себя миру битвы и системы подчинения, но и то, ради чего сражаются, то, чем сражаются, власть, которой стремятся завладеть... Эта воля к истине, как и другие системы исключения, опирается на институциональную поддержку: ее укрепляет и одновременно воспроизводит целый пласт практик, таких, как педагогика, или таких, конечно же, как система книг, издательского дела, библиотек, таких, как научные сообщества в прежние времена или лаборатории сегодня. Но, несомненно, более глубинным образом эта воля воспроизводится благодаря тому способу, каким знание используется в обществе, каким оно наделяется значимостью, распределяется, размещается и в некотором роде атрибутируется"¹(...)

¹ М.Фуко. Порядок дискурса // М.Фуко. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. С.51, 56

В отличие от "старой", легко идентифицируемой пирамидально-централистской структуры господства, "в случае с современной формой государственного господства, мы имеем дело с такой системой циркуляции власти, которая скорее не поддается восприятию, избегая конфронтации и воздействуя не на людей, а сквозь них. И "через нас" работает государственная система, которая стремится пронизать весь социальный организм функциональным переплетением власти, которое интегративно оккупирует людей, создает уровни идентификации и использует общественный мейнстрим как саморегулятор, обеспечивая себе доступ к определяющим уровням ценностей и удовлетворенности". "Угнетенный внутри классической иерархии легче ощущает свое положение, и быстрее возникает проблема возможностей к сопротивлению и выбора средств для этого. При интегрирующих условиях современного государства на первом месте стоит проблема развитие ощущения трудноуловимой "привилегированной утраты свободы". Оно угнетает не с помощью насилия, но предлагает: участие в консенсусе, возможности восхождения по социальной лестнице и социальную безопасность. Приспособление к системе правил и принятие концепции господства происходит на этой основе добровольно и автоматически". "Системы плоскостной структуры господства, которые менее иерархичны и действуют через самого человека, делают его недееспособным с помощью интеграции и привязывающей "частичной компетентности" ".²

Дискурс формирует то, что рассматривается как нормальное. Он разделяет на внутреннее и внешнее, свое и иное – чужое или даже угрожающее. Он – порядок в мышлении. Это и делает его таким могущественным. Он выступает как обычное мнение, которого вроде бы придерживаются все окружающие люди или, во всяком случае, многие из них. Дискурс – это само собой разумеющееся в мышлении, он не требует непосредственного применения властных средств. Когда мышление подчинено порядку, регулируемому извне, очевидные орудия порядка могут не применяться. Никого не надо принуждать думать или действовать так, как диктует дискурс.

"Какие решения применить к той или иной проблеме, зависит в значительной мере от того, что вообще считается проблемой и как она истолкована. Именно это и составляет дискурс. К примеру, "развитие" – это дискурс, который отвечает на ситуацию неравных жизненных шансов в мире и определяет проблему определенным образом – как недостаточное развитие. Удачные дискурсы нельзя навязать чисто репрессивным способом; они должны также предлагать привязку к опыту и интересам тех, кто сам является объектом господства и критикует создавшееся положение. Идеальные предпосылки для этого предоставляет репрессивная терпимость. Общественная критика допускается и позволяет быстро устранить опасный затор; неравное распределение ресурсов гарантирует, что оформление дискурса идет в направлении, идущем навстречу господствующим интересам...

Нет ничего вне социального конструирования действительности. То, какая история рассказывается, связано с властью. Власть устанавливает, что является правдой. Она не только определяет решения; она формулирует вопросы и определяет проблемы. Поэтому отсутствие зримого насилия не означают, что отношения свободны от

² M.Wilk. Macht, Herrschaft, Emanzipation. Grafenau, 1999. S.22, 24, 47

господства. Типичным примером служат семьи, в которых дети следуют авторитету родителей, "без того, чтобы их приходилось к этому принуждать"...

Дискурсы – это не чистая теория. Это практика. Они руководят сегодня деятельностью международных учреждений и национальных правительств. В соответствующие программы реализации и работу с общественностью вкладываются деньги.

Интеллектуальные притязания при этом достаточно невелики. Не прилагается серьезных усилий для того, чтобы вывести новые дискурсы выше самого элементарного уровня. Это и не нужно. Дискурсы эпохи пост-развития берут числом: количеством изданий и публикаций, упорством, с которым соответствующая постановка вопроса повторяется из раза в раз как раз в те часы, когда она может охватить как можно более широкую аудиторию, деньгами, которыми они подслащивают социальным движениям свое приглашение к соучастию"³(...)

Между истиной, нормальностью и дискурсом существует тесная взаимосвязь. Ведь разделение на истинное и ложное – это упорядочивающая функция мышления. Но то, что воспринимается, как истинное, подвержено дискурсивному влиянию. Это воздействие громадно: сила убежденности в том, что считается истинным, куда больше, чем мощь полицейской дубинки.

Дискурсы не обязательно должны иметь целенаправленно оценивающую природу. Есть множество представлений о мире, которые определяют всеобщее достояние мысли и общественное поведение, при том что никто не может сказать, на чем же они основаны. Кроме их постоянного употребления и потому приятия как данности, почти что социально оформленной природы. Долгое время таковыми были пол и расы, пока в недавнее время эти категории постепенно не начали ставить под вопрос.

В современной физике давно уже размышляют над тем, не является ли время иллюзией. Если это так, это была бы мощнейшая иллюзия, поскольку она не только вездесуща, но и определяет все мышление людей: ведь человек раскладывает переживания и ожидания по мысленной временной шкале. Так время занимает центральное место в восприятии мира, которое формируется в голове.

Управление через дискурс

Дискурсы тесно связаны с прямыми и рыночными формами господства. Ведь они воздействуют через них – образование, СМИ, направленное распространение информации и науку. Именно эта последняя во многом привела к созданию биологических норм. То, что женщины эмоциональнее, что чернокожие спортивнее, но менее умны, что дети недееспособны и кто считается инвалидом – все эти мнения коренятся в научных дискурсах и их постоянном внесении в повседневную жизнь. Институты господства используют дискурсы и влияют на них благодаря своим гигантским возможностям. Примерами последних лет могут служить гуманитарные войны (достаточно успешный дискурс), благосостояние благодаря глобальным рынкам (в значительной части неудавшийся дискурс, поскольку протесты созда-

³ Ch.Spehr. Die Aliens sind unter uns. München, 1999. S.154, 228, 257

ли контр-дискурсы) или благотворность демократии, включая маскировку ее как формы господства (в значительной мере, удавшийся дискурс).

"Власть в наших широтах модернизировалась. Она сбросила с себя топорность, наглость, грубость – все варварское. Власть, окрашенная террористически, сеющая кругом насилие, выглядит безнадежно старомодно, совершенно несовременно и несвоевременно. Здесь тоже есть разница между Севером и Югом. Элегантное осуществление власти – это привилегия "Первого мира". Диктатура, тирания, грубая эксплуатация, убогий облик власти остаются достоянием бедных стран"⁴.

"В любом обществе дух культуры в целом определяется духом господствующих в этом обществе групп. Отчасти это происходит потому, что эти группы контролируют систему воспитания, школу, церковь, прессу, театр и таким образом имеют возможность внушать свои идеи всему населению; но, кроме того, эти властвующие группы обладают и таким престижем, что низшие классы более чем готовы принять их ценности, подражать им, психологически отождествлять себя с ними".⁵

"Я полагаю, что в любом обществе производство дискурса одновременно контролируется, подвергается селекции, организуется и перераспределяется с помощью некоторого числа процедур, функция которых - нейтрализовать его властные полномочия и связанные с ним опасности, обуздать непредсказуемость его события, избежать его такой полновесной, такой угрожающей материальности"⁶.

"Проблема – не изменение "сознания" людей или того, что таится в их головах, а изменение политической, экономической и институциональной системы производства истины. Речь идет не о том, чтобы освободить истину от любой системы власти – это было бы чистойшей иллюзией, поскольку истина сама есть власть – а о том, чтобы оторвать власть истины от форм общественной и культурной гегемонии, внутри которых она сегодня действует"⁷.

Дискурсы как легитимация господства

Идет ли речь об эксплуатации на рабочем месте, неравном распределении богатств и средств производства, привилегиях или институциональной власти, – господствующим всегда требуются средства легитимации, чтобы иметь возможность устойчиво сохранять свое господство. Эти средства создаются через дискурсы. Они внушают нам, что без авторитарного порядка воцарятся только хаос и насилие, что бог создал мужчин и женщин для выполнения различных ролей, что белая раса существует и превосходит все остальные и т.д.

Дискурсы отличаются от законов своим интенсивным укоренением по всему обществу. Все привилегированные распевают песню о том, что их статус имеет под собой все основания, и даже многие из непривилегированных верят в высший смысл своего приниженного положения. Свои убеждения в социальном настрое они пе-

⁴ M.Gronemeyer. Die Macht der Bedürfnisse. 1988

⁵ Э.Фромм. Бегство от свободы. М., 1990. С.101

⁶ М.Фуко. Порядок дискурса. С.50

⁷ M.Foucault. Dispositive der Macht. Berlin, 1977. S.51

редают дальше в повседневную жизнь через образование, религии, ритуалы или просто разговоры...

Для обозначения

– либо совокупности принадлежащих к социально не очерченной группе людей (к примеру, на основании биологического пола, возраста, цвета кожи, роста, места проживания, происхождения) и приписываемых им социальных особенностей,

– либо совокупности принадлежащих к социально очерченной группе людей (к примеру, на основании религиозной принадлежности, уровня образования, языка, профессии, звания) и приписываемых им всеобщих (то есть, выходящих за рамки социального разграничительного признака) социальных особенностей часто используется понятие "конструкт", причем и он – как и в случае с дискурсом – предполагает в том числе и последовательное воспроизведение и передачу этой сконструированной структуры (например, через смену поколений, язык, традиции, законы и нормы – сознательно или бессознательно). Демаскировка дискурса, созданного с помощью "конструирования", называется деконструкцией, а соответствующая социально-политическая теория – деконструктивизмом.

Примеры регулирования через дискурс

Разберем несколько примеров того, как создаются и воздействуют дискурсы. Они со всей ясностью демонстрируют, как глубоко они проникли в нашу жизнь. Люди в значительной мере пленники норм, толкований и мнимых истин.

Расы и расизм

На протяжении столетий людям внушали, что люди, в зависимости от цвета своей кожи, делятся на расы, и такие расы имеют различные биологические качества. Уже сам выбор критериев для разделения демонстрировал полную произвольность. Почему, скажем, не длина мочек ушей или цвет глаз? Волосы или размеры тела тоже могли бы быть признаками, причем даже более очевидными. Но нет, выбран был цвет кожи. На основании этой изначальной посылки затем делались самые дикие предположения. Например, Рудольф Штайнер объяснял красный цвет кожи аборигенов Северной Америки тем, что они изначально имели-де черную кожу, но не получали достаточно солнечного цвета. Потребность в отграничении была усилена фашистским мышлением. Национал-социалистические ученые принялись измерять форму головы и другие части тела. Тем самым они доказали, что и наука всегда следует господствующим интересам и центральным дискурсам. И накладывает на них отпечаток. Потому что расизм, то есть заданная идея о том, что вообще существуют поддающиеся разграничению расы, – это самый что ни на есть классический дискурс. Утверждение принимается за истинное без каких-либо сомнений и колебаний и повторяется затем бесчисленными умами в бесчисленном числе мест. Мыслить категориями рас, расизма считается совершенно естественным. Вот так и функционируют дискурсы.

Пол

Вы думаете, что есть только два пола? Тогда вы попросту находитесь под воздействием дискурса. Спросите-ка новорожденного, кто он – мальчик или девочка? Спросили? Тогда вы сами помогаете формированию дискурса? Потому что нет двух столь однозначных полов, а разделение именно на два пола отнюдь не обычно для всего человечества.

С первым делом обстоит совершенно иначе. Существуют все мыслимые переходные формы и ответвления между дуализмом "мужчина – женщина", которое объявлено стандартом в книге по биологии. Однако все не просто дискурсивно раскладывается по двум ящикам, но и с жестокой резней по живому. Тот, кто имеет наглость появиться на свет не с однозначными первичными половыми признаками, вскоре оказывается на операционном столе. Чаще всего из него стругается девочка, потому что технически это проще. Вмешательство производится в таком возрасте, что ни о каком согласии самого человека не идет и речи. С появлением на свет и причислением к одному из полов начинается прилаживание новичка – неуловимо, чаще всего вполне гладко через цвета, прическу, обращение, выбор игрушек и т.д. Если отчий дом "терпит неудачу" в раскладывании по ящикам, то заботу о половой принадлежности и вытекающих отсюда ролях берут на себя детские сады, школа... Будь то формуляр для приобретения железнодорожного билета или при покупке мобильного телефона – всегда надлежит аккуратно крестиком отметить, к какому полу причислен человек, пусть даже это не имеет никакого значения для данного дела. Тот, кто заполняя формуляр на компьютере, не даст однозначного указания на сей счет, будет немедленно отвергнут машиной: "Пожалуйста, заполните документ правильно и полностью".

Преступность и наказание

Страх перед преступностью также организуется. Тот, кто смотрит массовый товар "детективы" или листает многотиражные издания, натывается на убийства, совершаемые неизвестными преступниками. Главные сеятели страха, газета "Бильд" или "Аккенцайхен ХУ", изображают, подобно многим подражателям, темные места и переходы, незнакомых людей (мужчин) и акты злобного и неожиданного насилия. Это внушает страх: повсюду убийства и смерти. По данным Института криминологических исследований Нижней Саксонии, люди в Германии верят утверждению, будто число убийств в стране за 1993 – 2003 гг. выросло на 27%, а число убийств на сексуальной почве – даже на 260%.

На подобном страхе можно делать политику. Но к реальности он имеет мало отношения. Согласно криминальной статистике, число убийств снижается уже много лет подряд. Число зарегистрированных убийств и попыток убийства на сексуальной почве между 1981 и 2004 гг. упало с 81 до 26. Однако дискурс страха господствует не только в цифрах. Еще хуже обстоит дело с местом преступлений, жертвами насилия и преступниками. Акты насилия совершаются не в темных уголках, на глухих лесных опушках или в железнодорожных подземных переходах, но почти неприкрыто, там,

где люди обладают властью друг над другом: в семьях, медицинских учреждениях, домах престарелых, интернатах и, конечно же, в полиции, армии и тюрьмах. 80% актов сексуального насилия в Европе совершаются в семье или в кругу знакомых. В 5% сообщений о сексуальных преступлениях речь идет о случаях со смертельным исходом, которые активно муссируются в СМИ. Но даже в этих громких случаях две трети преступлений происходят в семье и узком кругу знакомых. Нередко все происходит на глазах третьих, четвертых и пятых лиц, которые отводят взор и молчат. Насилие и преступность – повседневное явление в затхлом буржуазном мире. Но подтасованные цифры и сказочки, рассказываемые в газетах и по телевидению, сеют страх перед чужаками и неохранными пространствами, открывая сердца и разум тотальному контролю над обществом. Когда зачарованные страхом люди сами жаждут такого контроля, о подлинных интересах речь уже не заходит.

За этой манипуляцией, являющейся одним из мощных дискурсов, поскольку сфальсифицированная информация постоянно распространяется дальше самими убежденными в ее правильности жертвами страха, следует другая. Ведь даже если бы было правдой то, что преступность растет и исходит в первую очередь от чужих людей и в незнакомых местах, средства, которые прописывают нам в качестве лекарств, не помогут. Наказание не защищает от насилия, но только порождает его. Дети, которых когда-то избивали, куда чаще делают потом то же самое. Тот, кого били "воспитания" ради, чаще сам проявляет склонность к насильственному поведению. Вершиной насильственного подчинения являются тюрьмы. Они тоже не предотвращают насилие, а порождают его – и за решеткой, и, разрушая социальное окружение заключенного, в его позднейшей жизни, вне тюремных стен. Тому, кто становится жертвой насилия, мало проку от видеонаблюдения, если не считать сознание того, что когда-нибудь, сильно позже, другой человек как предполагаемый преступник тоже подвергнется плохому обращению, а сам пострадавший их жертвы превратится в свидетеля и попадет в лапы юстиции – роль чаще всего ужасная и в любом случае заставляющая ощущать собственную беспомощность.

"Фатальный тройной отклик способствует призывам к ужесточению наказаний, но это имеет мало отношения к действительной преступности или даже к террору. Убийства и избиения до смерти составляют, по статистике, 0,1% всех преступлений. В мире же, изображаемом СМИ, каждое второе преступление связано с насилием. Так через детективы и новости раздуваются страхи граждан; политика побуждается к действию, то есть, к жесткости, чего СМИ в большинстве своем не перестают требовать при каждом новом громком случае" ("Франкфуртер рундшау", 11 сентября 2009, с.10 и далее).

Устойчивое развитие

Когда экологическое движение, ранее исходившее, прежде всего, от конгломерата низовых групп и гражданских инициатив, в конце 1980х гг. переступило свой зенит, для этого было множество причин. Бывшие протестующие начали делать буржуазную карьеру; папочка-государство подкармливало миллионами центральные объединения, что делало ведущих функционеров организаций ручными и способ-

ствовало сдвигу власти в их аппараты. Все это делало протесты более предсказуемыми и зависимыми. После того, как перемена свершилась, принимающие решения части организаций уже не могли жить без денег от государства и промышленников. Параллельно с этим менялось и содержание. Прежняя идея защиты окружающей среды, в соединении с критикой роскоши, роста и расхищения ресурсов, пережила мутацию, превратившись во вполне совместимую с капитализмом модель озелененной прибыли и концернов – так называемое устойчивое развитие. Не все из утраченного было потерей для социальной эмансипации, поскольку с переходом к идее устойчивого развития закончилась и мощь консервативных и правых экологических идей. Правый эколог Герберт Груль канул в небытие. Подпитываемое миллионами от государства, стало пропагандироваться новое понятие устойчивого развития. Экономика и экология должны были теперь быть на равных, что модернизированные защитники среды сочли прогрессом. Со всей очевидностью, они забыли о том, что прежде их постулатом был примат экологии по сравнению с экономикой. Ураганный огонь дискурса об устойчивом развитии велся по всем каналам: через СМИ, субсидии, образование и политику. От боевого самолета бундесвера до просвещенных домохозяйств с двумя микропечами, работающими на экологическом токе, и тремя гибридными автомобилями – сегодня все является "экологически устойчивым". Возведенная в "зеленый новый курс", защита окружающей среды служит сегодня даже сопровождением новых фантазий об экономическом росте. Таким образом, дискурс не только уничтожает содержание, но и заботится о том, чтобы утрата воспринималась как приобретение.

Как на попутную деталь, укажем на конференцию по окружающей среде в Рио-де-Жанейро в 1992 г. Она разработала документ "Повестка дня 2001", ориентир дебатов об устойчивом развитии в 90-х гг. Когда конференция тогда закончилась, "Гринпис", Горбачев и другие медиа-звезды поверхностных эко-теорий говорили о провале. Однако спонсорские миллионы вкупе с обильной пропагандой буквально через несколько лет превратили Рио в успех мирового масштаба. "Повестка дня 21" – почти что вызывающий отвращение заключительный документ с его похвалами в адрес атомной энергии, геной технологии и господству индустриальных держав над миром – пережила мутацию превращения в ведущую культурную идею: очевидно, сам текст так никто и не читал. Рио и "Повестка дня 21" были типичными дискурсами. Их легко разоблачить, поскольку изначальные тексты вполне доступны для прочтения. То, что этого не происходит, свидетельствует о реальном состоянии экологического движения. Оно стало всего лишь страшащемся критики, подкупленным побочным фольклором капиталистического наступления.

Демографический взрыв

"Неограниченный рост" – еще сравнительно безобидное понятие при описании цифр численности населения. Годами употребляются такие выражения как "взрывной" или "рост в геометрической прогрессии". Математически имеется в виду рост, кривая которого становится все круче. В качестве иллюстраций используются большеформатные фотографии масс людей. Мир кажется стоящим на краю гибели. И

причиной этого служат не атомные станции, ни с чем не считающиеся формы хозяйствования и насильственно внедряемые материальные потоки, а сами люди. Под предлогом спасения мира запускаются программы контроля над рождаемостью. Однако если присмотреться повнимательнее, все это дико, противоречиво и направляется стремлением к господству.

Уже сами цифры ложны. Никакого ускоренного или геометрического роста населения нет, наоборот, кривая уже много лет становится все более плоской. Общая численность все еще растет, но конец уже виден. К тому же, фотографии людских толп изображают предпочтительно темнокожих людей. Но знаете ли вы, на каком континенте самая низкая плотность населения? В Африке. Но именно против живущих там людей направлены биополитические соображения. Речь со всей очевидностью идет не об ограничении роста населения, а об определенных людях, количество которых не должно расти – чтобы больше доставалось другим? А если этих привилегированных становится хоть чуточку меньше, тут же начинаются призывы к росту населения. То, что в Германии, одной из самых густонаселенных стран мира, население слегка сокращается, служит предметом самых серьезных забот. Если же оно растет в менее населенных областях, это вызывает большое волнение.

Дискурс насчет демографического взрыва создает образы, которые не имеют ничего общего с реальной действительностью. Но эти представления полезны для определенной политики, которая является ничем иным как проявлением господства, но скрывается под мантией заботы о спасении мира.

Наука и объективность

"Оставаться объективными", "следует взглянуть на это объективно", "с научной точки зрения, это обстоит так-то и так-то" – эти и подобные им формулировки придают мнению значимость. Политические споры превращаются в религиозное кривлянье. Ведь утверждение, будто что-либо является более правильным, потому что оно "научно" или "объективно", имеет такое же содержание, как и утверждение, будто что-либо является "волей народа" или "божьей заповедью". Раз нет единой истины, не может быть и "научно истинного". Ученые регулярно создают столько истин, сколько получают хорошо дотируемых заказов и предоставляют своим спонсорам пригодный для гонорара результат. Для этого даже не нужно прибегать к фальсификациям, достаточно следовать предвзятому взгляду на происходящее. Но дискурс насчет объективности окрыляет экспертов. Титул и умение ловко жонглировать непонятными словами усиливают впечатление, оставляемое наукой. Лишь постоянные линии споров между исследователями, следующими различным интересам и заказчикам, несколько снижают эффект этой веры в науку.

"Любая наука, претендующая на освободительный потенциал, критика существующего порядка и, тем самым, критика политической экономии занимает ту или иную общественную позицию. Тем самым она открыто демонстрирует интерес, направляющий ее познание, и не впадает в неосуществимую веру в объективную научность,

⁸ Marc Kappler. Emanzipation durch Partizipation? Marburg, 2006. S.22

стоящую вне общества. Как раз наоборот, только благодаря признанию и осознанию своей общественной позиции и ее открытому изложению, вообще появляется возможность приблизиться к объективному взгляду. Так в "Диалектике просвещения" о Критической теории говорится: "Ее элемент – свобода; ее тема – угнетение"⁸

Социальный расизм от "Хартц IV" до Саррацина

Германия, холодный февраль 2010 года. Свободная демократическая партия FDP, партия людей с высокими доходами и верующих в рынок, снова сидит в федеральном правительстве. Тут и выясняется, что ее политические концепции – полная бессмыслица. Результат: падение популярности в опросах общественного мнения. Всего через полгода после выборов в бундестаг (нео-)либералы получили бы всего половину собранных ими голосов. Босс FDP Вестервелле пытается превратить нужду в добродетель и превращается в германского Хайдера: он последними словами клянет тех, кто пользуется социальными выплатами. При этом он прибегает к ловкому расчету: он раздувает зависть среди тех, кто получает не многим больше, чем пособие "Хартц IV". Шеф партии, которая своим сопротивлением против введения гарантированного минимума зарплаты и «базового обеспечения» для всех и своей политикой перераспределения доходов от низших к высшим несет особую вину в общем демпинге зарплат, старается стать глашатаем своих собственных жертв и объяснить им, что в их бедности виновны те, кому еще хуже, чем им самим. Идиотизм в том, что его полемика возымела эффект. Потому что она носит все черты управляемого дискурса: апеллирует «от брюха» к сильным чувствам (в данном случае – к зависти), использует страхи и беды и затем натравливает жертвы друг на друга. К тому же политический анализ оказывается крайне урезанным.

Утверждение, будто получающие пособие "Хартц IV" имеют что-либо общее с распространением низких зарплат, такая же глупость, как и уверения, что Германии угрожают иностранцы. Но дискурсы убеждают не глубокой аналитикой; наоборот, чтобы быть успешными, они должны отвечать тяге к упрощению. Это избавляет от работы мозг, а мышление всегда нагрузочно для людей, которые ориентированы на то, чтобы функционировать просто как колесико системы, не задавая слишком много вопросов, не вглядываясь в происходящее слишком внимательно и позволяя и далее управлять собой, вместо того, чтобы самоорганизоваться. Вестервелле и Ко хладнокровно использовали это и добились частичного успеха, хотя глупость их высказываний трудно превзойти.

Или все же можно? Ведь вскоре после этого имело место явление публике чиновника Федерального банка и бывшего сенатора по финансам "красно-красного" (!) правительства Берлина (коалиции СДПГ и Левой партии, – перевод.) Тило Саррацина. Он предостерег об угрозе гибели Германии и в попытках найти для этого основания заблудился в настолько абсурдных тезисах, что даже в не слишком остроумном немецком обществе подобные грубые высказывания в каком-нибудь кабаре средней руки вызвали бы короткий взрыв хохота, а в остальном – стыдливое забвение столь печальной фигуры. Так ведь нет же: вокруг публикации Саррацина были раздуты дискурсы, которые отчетливо демонстрируют, как разрастается это средство власти.

Это видно на примере не дикого вздора насчет молодежи и других "содержательных" положений книги, а утверждения, будто критика в адрес Саррацина – это замалчивание, цензура и нарушение свободы мнений. Большая часть людей и в самом деле восприняла дело именно так и в читательских письмах, на митингах или в Интернет-чатах пустилась защищать Саррацина, в тайном согласии с его фашизоидной идеологией или в глубоком убеждении, что они борются за свободу мнений. При этом никто из них не обратил внимание на то, что книга Саррацина была издана миллионными тиражами, и он мог провозглашать свой нонсенс перед полными залами, на ток-шоу и по всем радиоканалам. Иными словами, в качестве ограничения свободы мнений критике подвергалось не то, что Саррацину не позволили говорить (очевидно, что это было не так), а то, что можно было критиковать его. Под прикрытием сетований на мнимую цензуру в отношении Саррацина ("такое можно говорить"), фактически проявилось стремление заставить замолчать критику в адрес Саррацина. И с успехом, потому что никто больше не отважился нападать на фашизоидного народного трибуна.

Это характерно для дискурсов. Людям прививается то, что они воспринимают как истину, как норму. Со всех сторон, даже из круга собственных друзей, в собственную голову непрерывно напирает информация, закрепляется и выжигается там. Восприятие чуждой, противоположной информации (если таковая вообще была) блокируется; воспринятое становится истиной, затем чем-то своим, что потом передается дальше. Дискурсы сами себя воспроизводят. На них можно влиять, их можно инициировать, но управлять ими из одного центра нельзя. Они именно потому и имеют такой могучий эффект, что сочатся из всех щелей.

Справедливость

Справедливость является моральной нормой. В отличие от дискурсивной видимости (созданной использованием в форме господства), она полностью бессодержательна, но при употреблении регулярно дискурсивно наполняется содержанием, скрывающимся за самим понятием. Это скрытое содержание соответствует конкретным интересам. Моральная нагрузка на понятие справедливости должна сделать дополнительные аргументы ненужными и позволить легче продвинуть собственные интересы. Так можно представить как правильные совершенно противоположные высказывания:

- Кто больше работает, должен быть вознагражден за это.
- Все люди должны иметь одинаковые средства к жизни.
- Все люди должны иметь для жизни столько, сколько им необходимо.

Каждая из трех фраз обозначает конкретную форму справедливости. Ни одно из содержаний не кажется неправильным. Однако справедливость при этом наполняется различными интересами, которые не высказываются в самой фразе. Таким образом, справедливость является нормой, конкретное содержание которой можно скрыть за нормой. Как норма же, справедливость всегда имеет форму господства, поскольку служит универсальным мерилom – моралью.

"С самого начала я хотел бы провести очень важное различие: а именно, между идеалами свободы и понятием справедливости. Эти два слова так взаимозаменяемы в употреблении, что кажутся почти синонимами. В действительности, справедливость фундаментально отличается от свободы, и очень важно отделять одно от другого. На протяжении истории они вели к весьма различным видам борьбы и до сих пор выдвигали совершенно разные требования к соответствующим властителям и системам правления. Если мы проведем различие между простыми реформами и фундаментальными изменениями общества, то речь будет идти, в первом случае, по большей части о требовании справедливости, а во втором – о требовании свободы, как бы тесно оба этих идеала справедливости и свободы ни переплетались друг с другом в нестабильные социальные периоды.

Справедливость – это требование равного подхода, "честной игры" и доли в жизненных благах, в создании которых человек сам вносит свой вклад. По словам Томаса Джефферсона, она основана на принципе эквивалентности – "равно и точно"... Это честное, эквивалентное, пропорциональное отношение, которое каждый получает в социальном, юридическом и материальном отношении в обмен на свой собственный внесенный вклад, традиционно воплощается в виде Юстиции, древнеримской богини с завязанными глазами, держащей в одной руке весы, а в другой меч. Атрибуты Юстиции, взятые в сочетании, символизируют количественное измерение правовых благ, которые могут быть распределены на обеих чашах весов, мощь власти, которая в форме меча стоит за ее приговором (в условиях "цивилизации" меч стал эквивалентом государства), и "объективности" ее суждения, выражением которой служат завязанные глаза"⁹

"Когда FDP предлагает теперь, чтобы те, кто больше зарабатывают, больше не получали родительских пособий, эта идея в первый момент кажется справедливой: почему люди, получающие так много денег, что они не в состоянии их истратить, должны получать еще что-то дополнительно только потому что рожают ребенка? А те, кому так нужен каждый дополнительный цент, то есть получатели "Хартц IV", не получают больше ничего или всего пару евро?

Тем не менее, предложение FDP не является справедливым, с точки зрения требования равенства в главе 3 Основного закона. Люди, имеющие равные предпосылки – в данном случае это рождение ребенка, – не должны подвергаться различному отношению при выплате социальных пособий" (taz. 12.10.2010. S.12)

Конструирование коллективных идентичностей и интеграция индивидов

Люди выступают не только как индивиды, но и как группы. Однако лишь в редких случаях эти группы являются результатом свободного соглашения, то есть равноправного согласия о совместной организации при сохранении автономии каждого. Большинство групп основываются на внешнем создании коллективной идентичности и / или принуждении к участию в группе.

⁹ Murray Bookchin. Die Neugestaltung der Gesellschaft. Grafenau, 1992. S.88

Для понимания того, что говорится в этих текстах о коллективе, коллективной идентичности и – в противовес этому – о кооперации, необходимо определение, которого мы здесь будем придерживаться. Как и во всех понятиях, прежде всего имеющих сложное содержание, существуют и другие их определения. Отсюда возникает недопонимание.

Под коллективом здесь понимается соединение людей, которое является чем-то большим, чем сумма индивидов и чем кооперация этих индивидов, которая, благодаря лучшим возможностям для деятельности, взаимопомощи и дополнению способностей друг друга, уже выходит за рамки суммы тех, кто в ней участвует.

Коллективность делает из суммы своего рода особую личность. Коллектив действует уже не только в форме индивидов и их свободной кооперации, но и сам по себе. При этом речь идет не о том, так ли это на самом деле при ближайшем рассмотрении или все же на самом деле действуют и далее именно индивиды. Важно, что это выглядит как действие коллектива и воспринимается его членами именно так, а не иначе. "Мы" превращается из чистого описания ("Мы играем в футбол") в особую личность ("Мы – футбольный клуб такой-то"). Эта коллективная личность может действовать и в существующем сегодня капиталистическом правовом государстве даже подписывать договоры, обязательные для индивидов, может иметь собственность и т.д.

На следующую ступень коллектив поднимается – причем регулярно – с образованием идентичности, которая мысленно придается этому коллективу. Она описывает сущностные признаки коллектива и тем самым отделяет то, что внутри, от того, что вне его. Она – как и сам коллектив – всегда связана с тем, что думают об этом члены коллектива (все, большинство или едущие). Крупнейшая коллективная единица нашего времени – это народ как оригинальное население той или иной нации или выделяемый по аналогичным критериям, например, географическим регионам. Когда говорят о "швейцарцах", то думают о чем-то большем, чем просто о миллионах живущих рядом людей, говорящих на разных языках и имеющих множество других взаимных отличий. Целое стало дееспособным, выступило как действующее лицо в международном масштабе и создало себе идентичность, отнюдь не сводящуюся к пограничному контролю на достаточно случайной линии границы. Правда, их идентичность не связана с огромным чувством расового превосходства, каковое уже несколько раз демонстрировали "немцы", и вытекающего отсюда кровавого стремления уничтожить якобы неполноценных. Напротив, кооперация предполагает такое соединение между людьми, при котором не возникает отдельной личности Целого, но люди остаются теми, кто действуют вовне. Это не исключает и совместного имущества, ни кооперации коопераций (в виде Советов или чего-то подобного, если это не обладает коллективной идентичностью или властью представлять общую волю).

В кооперации важно не среднее, созданное большинством или иерархически обобщенное мнение; разнообразие и отличия между людьми сохраняется и превращаются в силу взаимно и свободно согласованного, но не унифицирующего процесса деятельности.

Уже сама коллективная идентичность является проблемой. Коллектив возникает через установление якобы общих свойств людей, объединенных в группу, рассматриваемую как идентичность. Это закономерным образом связано с агрессивным

упором на "мы" в смысле конструирования общего бытия и общей воли. К тому же, типичным является отграничение от другого – часто такое отграничение и составляет главное событие в образовании коллективной идентичности. Поэтому отграничение в обществе коллективных идентичностей – это нормальное состояние, и оно происходит на всех уровнях общества и в почти всех группах и объединениях людей (общественных суб-пространствах).

Коллективная идентичность состоит из определения идентичного, то есть соединяющего людей друг с другом. Здесь в качестве связующего элемента группы с идентичностью могут действовать такие элементы дискурсивного господства, как причисление к полу, социальной группе, нации, организации и т.д. , и развитие определенных кодов поведения, одежды или языка. На этих идентичностях строятся симпатия и антипатия. Отграничение от "иного" усиливает выдумывание одинаковых качеств людей, предполагаемых в качестве собственного социального окружения. Коллектив возникает путем ощущения и формулирования "идентичного" как одинакового и общего. Чаще всего это происходит через использования слова "мы" – усиленного особенно в связке с отграничением от иного как "вы" или "ты". "Мы" обозначает коллективную идентичность в том случае, если оно не описывает действительный ход событий ("Мы были вчера в таком-то городе" или "мы подумали о том, чтобы сделать теперь то-то и то- то"), но используется как собирательное слово, то есть, благодаря его использованию, возникает коллективность.

Подобное "мы" и создает общую волю. Поэтому типичная часть доминантного стиля речи – говорить от имени "мы" и тем самым подменять нахождение решения или разнообразие самостоятельных мнений коллективной идентичностью. Но возможны и другие речевые формы, помимо "мы", например, отсылка к традициям ("Так всегда было" и др.). И в этом случае унификация создается тем, что она описывается. Таким образом, "мы" коллективной идентичности отличается от описывающего "мы" тем, что временная последовательность поворачивается вспять. Описывающее "мы" пытается описать тот или иной процесс после того, как он произошел. Коллективно-идентичное "мы" создает унификацию путем употребления этого самого "мы".

В эти коллективные идентичности люди нередко засовываются, не спрашивая их желания, то есть возникает вынужденная принадлежность. Быть частью коллектива, когда твоего мнения не спрашивают, или иметь возможность свободно решать об этом – это господство. Подобное принуждение возникает не с побуждением к вступлению, но еще раньше – уже через определение принадлежности без согласия включаемого, часто даже не информируя его об этом. Это происходит при определении национальности, пола, записи в школу, нередко в какую-нибудь организацию или через неразрывную связь в семье. Особенно молодые люди ежедневно сталкиваются с подобного рода принуждением.

Принуждение возникает и тогда, когда членству в группе нет альтернативы или когда отказ связан с ощутимым ущербом. Наконец, соединение с другими типами господства также ведут к принуждению, к примеру, настройка людей через образование, СМИ и т.д. ставит их в такие условия, что они превращают себя в часть той или иной группы.

Коллективные идентичности и вынужденная принадлежность требуют существования лиц, которые определяют идентичность ("мы") или осуществляют принуждение. Они никогда не являются результатом равноправного процесса согласования, то есть, организации снизу. Такая организация всегда выявила бы, что организующиеся люди имеют различные представления по разным вопросам, и никто не мог бы, не проясняя взгляды и мнения, выступать от имени "мы".

Приведем примеры коллективных идентичностей:

– Народ и родина. Оба возникают путем конструирования коллективной идентичности через описание якобы одинаковых характерных черт, традиций, среды, качеств и т.д. и отграничения от другого, приходящего извне и угрожающего "Нам" непосредственно или в том, что касается чистоты народа. Народ никогда не возникает путем взаимной договоренности людей, желающих быть народом – но всегда путем обозначения коллектива и использования "Мы" в качестве коллективной идентичности. "Мы немцы" – не результат самоорганизации людей, живущих между Фленсбургом и Констанцем, а формула, которая только и создает идентичность.

– Нация. В отличие от народа, принадлежность к нации создает принудительное членство путем формального акта, как правило, при рождении. Она выступает в форме господства, поскольку осуществляется в силу рождения, без согласия самого человека. Точно так же действует принудительная принадлежность к семье, религии, полу и т.д., которая также часто определяется при рождении, а затем определяет жизнь человека.

– Группы, основанные на идентичности. Большинство клик, религиозных или политических групп являются коллективами, основанными на идентичности, поскольку их члены повинуются более или менее ясно выраженным кодам поведения, языка, а иногда даже внешнего облика (одежда, прическа). К тому же, чаще всего имеются "Мы", выходящее за рамки описательного слова, и четкое отличие того, кто и как применяет это "Мы" и тем самым формирует групповую идентичность. В политических объединениях также является стандартным то, что некоторые из членов имеют привилегии определять поведение, форму организации и политические позиции группы – внутри и вовне. Неудивительны такие сопутствующие явления, как постоянное отделение и отграничение от "других", что не только свидетельствует об организации в форме господства, но и крайне важно для нее.

Роли и ориентиры

Результатом дискурсивного воздействия являются люди, которые принимают заданные нормы и "нормальность", представления о правильном и ложном и совпадают в представлении о принадлежности и отдельности, – люди, принимающие для себя определенные роли и ожидаемое от них поведение. Их не нужно более принуждать к ожидаемому от них поведению, они сами его проявляют. Они даже верят, что так и должны поступать.

"Переданные представления о ценностях, модели воспитания к постоянно повторяющимся общественным ролям и содержание образования, влияние со стороны СМИ и т.д. ведут к возникновению не произвольных, но типичных и все время воспро-

изводящихся образцов. Так, различия между мужчинами и женщинами в размерах зарплаты, присутствии на руководящих позициях или в доступе к деньгам, собственности и т.д. основаны на постоянно обновляемых социальных конструктах различия в ценности. Для поддержания таких социально сконструированных различий в ценности привлекаются различия между людьми: половые, биологические, этнические различия или различные склонности, виды поведения или иные признаки, которые пригодны для приписывания "свойств". Реальные различия переистолковываются как однородные "свойства" целых групп людей, с тем чтобы использовать их для оправдания дискриминации в отношении этих групп.

Формирование ролей и различной ценности мужчин и женщин возникают не как результат биологического пола, а на основе вездесущих, постоянно воспроизводимых (почти) всеми людьми образов и поведенческих ожиданий в отношении других людей и себя самих, к примеру, в ходе воспитания и влияния в семье, школе, на работе, в СМИ и др. "Мужественность" или "женственность" как общественная роль, то есть, как социальный пол, являются, следовательно, причислением индивида к этому полу общественными условиями. Этот процесс постоянно воспроизводится сам вследствие субъективной функциональности, которой обладают эти роли для людей в повседневной борьбе за существование и для долгосрочной перспективе, по меньшей мере, в настоящий момент, так что роли передаются от поколения к поколению и проявляются почти во всех сферах жизни. Тем самым они действуют, как если бы являлись законом природы. Их общественная роль представляется затронутым людям как предназначение, от которого они не могут уйти и которое они передают дальше последующим поколениям.

Подобно этому социальному конструкту между мужчинами и женщинами, аналогичные существуют между старыми и молодыми, так называемыми инвалидами и "здоровыми", соотечественниками и иностранцами, образованными и необразованными и т.д. Всегда из этого выводится различная ценность, ведущая к различным возможностям для саморазвития и отношений господства"¹⁰

"«Личность», в интересах которой действует современный человек, – это социальное «я»; эта личность в основном состоит из роли, взятой на себя индивидом, и в действительности является лишь субъективной маскировкой его объективной социальной функции"¹¹

"Тюрьма, как она была сформирована буржуазным обществом, – таков идеал следящей и дисциплинирующей власти, распространившейся на фабрики, школы, казармы, больницы и т.д. Поскольку процесс конституирующей субъект дисциплинизации бесконечен, он приобретает все более утонченные и сложные формы дрессуры с тем, чтобы принудить человека к все более одинаковому образу мысли и действий. С помощью пространственной разбивки на части, сплошной временной рационализации и нормативно-контрольным санкциям, например, в школе, выдрессированные тела включаются в вышестоящую функциональную систему и согласуются с деятельностью других тел. Процесс дисциплинизации завершается, когда ученик "поймет". До тех пор его сталкивают с нормативными представлениями, а в конечном счете

¹⁰ Gruppe Gegenbilder. Freie Menschen in Freien Vereinbarungen. 2000. S.78f.

¹¹ Э. Фромм. Бегство от свободы. М., 1990. С.105

– с представлением о самом себе, в свете которого он больше уже не может хотеть действовать иначе. Разрушительная структура в педагогике состоит в том, чтобы держать воспитанника в убеждении, будто он может делать, что хочет, тогда как может хотеть лишь того, выполнение чего от него хочет сам воспитатель. Упор педагогического метода сделан на том, что даже внутренние инстанции ученика не интроецируются "насильно". Напротив, они создаются или усиливаются в процессе апелляции к самим этим внутренним инстанциям. Мнимое собственное "я" и на этом уровне конституирования субъекта не "дается", но провоцируется, обуславливается и субъективируется в ходе самого педагогического процесса, так что педагогика и даже изучение языка и терминология нормируют мышление. Любая система мышления, которая эмпатически ссылается на тотальность своего собственного фундамента истины и институционализируется таким образом, скрыто работает на тоталитаризм. Это относится и к либеральной демократии"¹²

"Совершенная тотальность индивида не коверкается, не подавляется и не искажается нашим общественным строем; наоборот, индивид... тщательно фабрикуется к ней"¹³.

Все это может заходить очень далеко. Это впечатляющим и жутким образом продемонстрировало широкое общественное приятие Холокоста.

"Как и остальным людям, им (соучастникам Холокоста, – перевод.) приходилось постоянно решать, как себя вести, как они должны себя вести, и эти решения несли евреям все новые и новые страдания и смерть. Но эти решения они принимали как индивиды, как согласные со своими задачами члены сообщества участников геноцида, в котором убийство евреев было нормой, а нередко даже поводом для празднования"¹⁴.

Конструирование Среднего

Приспособление вознаграждается, отклонение наказывается. Так воспитание, школа, социальное окружение, СМИ, медицина и, наконец, государственное правосудие формируют потребность в уничтожении собственной личности и превращении себя в часть Нормального и Среднего.

Современные компьютерные сети делают возможным более тонкий подход. Теперь личностные признаки можно охватить и статистически оценить в больших группах людей. Люди, которые в виртуальных отпечатках их воспринимаемой личности включаются в эти сети, затем стандартизировано связываются между собой. Так социальные сети вроде "Фэйсбука" предлагают друзей, подходящие контакты, проекты и т.д. Жизнь усредняется.

"Другие, как Amazon, используют сетевой принцип для расширения сбыта: клиенты могут рекомендовать продукты друг другу, и Amazon, со своей стороны, делает им

¹² Марк-Пьер Мёлль. Сопряженность, ирония и анархия – Смех Мишеля Фуко

¹³ M. Foucault. Überwachen und Strafen. Frankfurt, 1977. S.285

¹⁴ Daniel J. Goldhagen. Hitlers willige Vollstrecker. 1996. S.85

предложения о покупках, которые ориентируются на поведение других покупающих клиентов"¹⁵

Просвещение: Демаскировка как цель

Человеческое общество всё больше и больше проникнуто нормами, в первую очередь, различными дискурсами. Дискурсам невозможно воспрепятствовать, запрещая их или объявляя их необязательными. Формально они таковыми и не являются. Тем не менее, они в высшей степени эффективны. С одной стороны, обилие ежедневно поступающей информации подталкивает каждого человека к формированию упрощенных понятий и урезанному пониманию взаимосвязи. С другой, нет никакого прибора, который очищал бы информацию, изображения и истории от сопутствующего оценочного содержания. Вся информация, включая истолкование, которая проходит через мир, связана с определенными идеями и интересами.

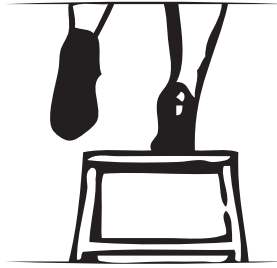
Единственный шанс – это постоянный скепсис, то есть, "перманентная критика", как называл это Фуко. Факторы, оказывающие влияние, невозможно отключить, но их можно лишить их гегемониального характера. Нельзя позволять информации, традициям, идентичностям, метафизической морали, другим людям и группам захватить ваше собственное мышление. Тот, кто не хочет, чтобы его контролировали, должен не изолироваться, а учиться задавать вопросы, заглядывать за кулисы, привлекать различные источники и, согласно собственному удовольствию и убеждениям, пользоваться всей полнотой разнообразия в обществе с его знанием, возможностями и различными точками зрения.

"Просвещение — это выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого. Несовершеннолетие по собственной вине — это такое, причина которого заключается не в недостатке рассудка, а в недостатке решимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны кого-то другого. Sapere aude! — имей мужество пользоваться собственным умом! — таков, следовательно, девиз Просвещения"¹⁶

¹⁵ Len Fisher. Schwarmintelligenz. Eichborn, 2010. S.116

¹⁶ И.Кант. Ответ на вопрос: Что такое Просвещение

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Йорг Бергштедт
Дискурсивное господство
О том, как врезаются в мозги традиции, нормы и истины
2012

Скопировано 24 июля 2018 из <http://aitrus.info/node/3310>
Отрывки из книги: *Freie Menschen in freien Vereinbarungen. Gegenbilder zu Markt und Staat. Reiskirchen-Saasen, 2012. S.70–80, 84–86, 81–83.*

ru.theanarchistlibrary.org